

УДК 343.9

Г.Н. ГОРШЕНКОВ,
доктор юридических наук, профессор

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ЦЕННОСТНОЕ ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье рассматривается преступление как сложное биопсихологическое явление, жизненный центр которого находится в космобиопсихосоциодуховном существе, то есть в человеке.

Понятие «преступление» легко «умещается» в правовую норму (ч. 1 ст. 14 УК РФ), которая определяет его как *виновно совершенное опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания*. Все эти признаки – оценочные; критерии их оценки условные. Поэтому некоторые специалисты рассматривают преступление всего лишь как объект практики, но не научного исследования.

То, что называют преступлением, является, к сожалению, обыденным, хотя и человекочуждым, актом социального поведения. И в этом случае задача нередко усматривается в том, чтобы фактическому событию дать всего лишь юридическую оценку в соответствии с наиболее подходящей к нему уголовно-правовой нормой. Но это, как правило, связано с немалыми трудностями, в качестве одной из которых можно указать моральную регуляцию, которая в обществе «зиждется на автономии человеческого духа» (К. Маркс), или начала, определяющего социальное поведение.

Действительно, задача знания по исследованию и постижению действительного разума природы, как писал Гегель, должна заключаться в исследовании и постижении не проявляющихся на поверхности образований и случайностей, а вечной гармонии, которая выступает «в качестве ее имманентного закона и сущности» [1, с. 47]. Очень хотелось бы верить, что преступление – это всего лишь проявление на поверхности некой случайности, которую можно если не устранить, то хотя бы «прижечь» «каленным железом» уголовного закона. Несмотря

на возможную парадоксальность, автор рискует, однако, утверждать, что гармония как согласованность, стройность уклада общественной жизни невозможна без того, что мы называем преступлением.

Преступление – это не просто жизненный факт, акт поведения человека, вид социальной (криминальной) деятельности. Через множество таких актов реализуется преступность как форма жизнедеятельности общества. Исследуя преступления, мы познаем закономерности преступности, ее детерминацию, принимаем научно обоснованные решения в области управленческого воздействия на преступность, законодательной и правоприменительной практики.

В связи с этим правоведам, которому доверено принимать судьбоносные решения в отношении человека, преступившего уголовный закон, очень важно разбираться в том, что именуется научным пониманием диалектики, то есть науки о всеобщих законах развития природы, общества, человека и мышления. Прежде всего, по этим законам возникают, функционируют, развиваются общественные отношения, в которых тесно переплетаются отношения добра и зла, извечно обреченные на несовместимость друг с другом, и в то же время – на неспособность существовать друг без друга.

Таким образом, преступление следует рассматривать не только как объект практики, но как сложное биопсихосоциальное явление, жизненный центр которого находится в космобиопсихосоциодуховном существе (Ю.А. Харин), то есть в человеке.

Каждый серьезный правовед, ученый или практик, должен обладать не только экспертным уровнем правосознания, но и владеть индивидуальной методологией познания сложных вещей, с которыми он связан по роду своей профессиональной деятельности.

Из этого следует очень важное положение о том, какую ответственность должен осознавать законодатель, а за ним и правоприменитель, выполняющие свою высокую миссию правоведа, в частности, принимая решение о криминализации поступка человека, то есть его юридической оценке.

«Оценить» означает, в частности, определить по ряду критериев значение человеческого поступка, вид и степень его общественной ценности. Философская категория ценности означает специфически социальные определения, в которых выражены положительные или отрицательные значения для человека, общества тех или иных объектов окружающего мира, или явлений общественной жизни и природы: доброе, злое; красивое, безобразное; опасное, безопасное и проч. Все, что окружает человека, имеет для него ценностный характер. Как верно утверждает профессор Э.А. Поздняков, «иных суждений о всякого рода явлениях и фактах, кроме оценочных, в человеческом языке не существует вообще» [2].

В частности, преступление как определенный акт человеческого поведения также является категорией оценочной. Напомним, что нестаряющееся слово «преступление» образовано от устаревшего слова «преступить» – нарушать, выходить из пределов, законов, своих прав, власти. Преступанье, преступленье – проступок и грех; беззаконие, злодеяние; поступок, противный закону [3], то есть «преступить» – самовольно нарушить определенное правило, выйти за пределы закона, своих прав.

Современное *преступление* есть соответствующий акт поведения человека, в котором усматривается нарушение определенной социальной (относящейся к жизни людей и их отношениям в обществе) норме, прежде всего, норме права, морали, обычая. Таким образом, один и тот же поведенческий акт может быть

оценен неоднозначно и даже полярно в связи с существенным разбросом критериев, которые избираются для оценки поступка, определения наличия или отсутствия в нем «преступности» как определенного свойства. При этом критерии подбираются в зависимости от цели, которую ставит перед собой эксперт-законодатель, правоприменитель, криминолог, философ, культуролог, социолог, психолог, психиатр, богослов и т.д.

Например, по убеждению профессора Л.И. Спиридонова, преступление выступает как форма социальной жизни вне зависимости от того, будет ли она запрещена уголовным законом или нет [4, с. 103]. «То, что законодатель оценивает как преступление, – пишет Л.И. Спиридонов, – никак не влияет на характер запрещаемого деяния, не придает ему никаких новых свойств и потому не может сделать его ни преступным, ни непроступным ... и процесс уголовно-правовой оценки есть не что иное, как определение реальной общественной опасности того или иного возможного посягательства на установленный общественный порядок» [4, с. 104].

Можно говорить и о многообразии оценок общественно опасного явления, начиная с оценки самой опасности, усматриваемой субъектом оценки. Так, профессор Я.И. Гишинский, отмечая неопределенность и многозначность понятия «преступление» в современной криминологии, приводит следующие обозначающие его термины: «нарушение поведенческих норм», «нарушение уголовного закона», «форма девиантного поведения», «поведение, определяемое законом», «всеми осуждаемое поведение», «идеологическое осуждение», «нарушение прав человека», «социальный вред», «форма неравенства», «ограничение возможности инакодействия», «власть отрицать других», «мышеловка властей», «историческое изобретение», «социальный конструкт» и даже «форма нормального поведения»¹.

Многообразные оценки акта негативного поведения человека могут быть разведены по

¹ При этом Я.И. Гишинский ссылается на следующих зарубежных ученых: G. Barak, J. Muncie, E. McLaughlin, D. Milvonovis и др. [5].

двум общим группам – формального, или юридического, и неформального, то есть неюридического характера. Так, догма права предписывает законодателю, правоприменителю, эксперту подходить к оценке общественно опасного деяния (действия или бездействия) путем определения наличия в этом деянии установленных законом признаков. Но при этом для безошибочной оценки деяния большое значение имеет мировоззрение правоведа, его правосознание и профессиональный опыт, хотя поступок человека невозможно с исключительной точностью измерить по «шкале» уголовного закона, «взвесить» на весах Фемиды, поскольку в нем существенную роль играет субъективный фактор. Тем более, что в фокусе преступления бывают отражены, прежде всего (нередко, заметим, не самые худшие), свойства человека, его сознания, воли, сердца и тела.

Трудность в объяснении преступления создает сам человек, который, как известно, даже для себя самого является извечной загадкой. Кто он по природе – носитель добра или зла? Что отличает человеческую природу: врожденное стремление к созиданию или к разрушению?

Конечно, можно предположить, что человек – исключительно вместилище добра и созидатель, как считают представители гуманитарной этики [6, с. 162]. Но, в таком случае, почему бы не согласиться и с их противниками, полагающими, что человек по природе склонен к враждебности, завистливости, ревности и т.п.?

Наверное, следует признать и то, и другое, как предполагал З. Фрейд, который «не рассматривает человека ни как по существу доброго, ни как по существу злого, но как ведомого двумя равными и противоположно направленными силами» [6, с. 164]. Дуалистический взгляд на природу человека характерен для многих гуманистов. Он вполне объясним, поскольку весь мир и человек в нем как органическая составляющая подвластен закону единства и борьбы противоположностей.

Преступление – явление парадоксальное: в нем мы находим как явное выражение зла, так и не менее очевидное проявление добра. И это,

к сожалению, нормально, то есть соответствует названному выше закону. Потому и существует довольно распространенное мнение, на которое, в частности, ссылался академик РАН В.Н. Кудрявцев: «Отнюдь не всякий, кто соблюдает законы, хорош, и не всегда можно назвать плохим их нарушителя» [7].

В преступлении нередко проявляется элемент этики, акт мужества, решения личных, политических проблем, удали, искусности в каком-либо деле и т.д. Например, убийство в рыцарском поединке, позже в дуэли, соперника было делом чести, доказательством нежнейшей любви к избраннице. Честь самурая вообще ценилась дороже жизни, даже собственной. Достаточно было одного слова, задевшего честь самурая, неуважительного отношения к воину, чтобы в ход было пущено оружие. Преступление как элемент корпоративной этики воспринималось всеми рыцарскими кодексами – самурайским, европейским, русским (идеологом которого был И.С. Пересветов).

Один из основоположников классической школы учения о преступлении (уголовного права и криминологии) Чезаре Беккариа писал: «Существует замечательное противоречие между гражданскими законами, охраняющими личность и имущество граждан более ревниво, чем что-либо другое, и законами так называемой чести, для которой общественное мнение дороже всего» [8]. Ч. Беккариа так писал об одном из кровавых обычаев, распространенных среди высших сословий – поединках: «Тщетно пытались законы, угрожая смертью принявшему вызов на поединок, искоренить обычай, объясняемый страхом перед тем, чего некоторые боятся больше смерти. Человек чести знает, что, лишаясь уважения других, он будет обречен на совершенное одиночество – состояние, невыносимое для общественного человека, или же станет мишенью для насмешек и оскорблений, повторение которых пересилит страх перед наказанием» [9].

Анализируя этические системы средневековой Европы, Габриэль Тард писал, в частности, о воровстве как «почетном занятии» немецких дворян, «рыцарях-грабителях», о важных сень-

орах, делавших забаву из воровства и поджогов, об аристократических убийствах, привилегированных отравлениях при дворцах и замках, об изнасиловании, считавшемся «еще большим, чем грабеж, убийство и поджог, развлечением для военных и правящих классов», обычае насиловать и грабить в военное время как военной этике [10].

Говоря о преступлении как элементе этики, нельзя обойти вниманием обычаи и нравы русского народа (с его кулачными боями, ритуальным воровством, кровной мезьей), купечества (обманывающего на ярмарке и спешащего замолить свой грех, увлекающегося медвежьей травлей).

Описывая жестокие обычаи языческих славян, Н.М. Карамзин писал, «что всякая мать имела у них право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишком многочисленное... Сему обыкновению не уступало в жестокости другое: право детей умерщвлять родителей, обремененных старостями и болезнями, тягостных для семейства и бесполезных согражданам» [11, с. 65]. И никто никого при этом не считал извергами: напротив, например, те же «отцеубийцы» славились почтительным отношением к родителям и заботой об их благосостоянии [11, с. 39]. Очевидно, идею эвтаназии, активно обсуждаемую сегодня в обществе, следует представлять не столько «эхом» «дерзкой» культуры Запада, сколько варварской культурой и русских славян.

Интересен и такой обычай древних славян, как оправданное воровство. Так, всякий путешественник воспринимался ими как бы священным. Его старались хорошо угостить. При этом, если бедный человек был лишен возможности угостить иностранца, ему позволялось украсть нужное у соседа богатого, то есть важный долг гостеприимства оправдывал преступление [11, с. 64].

Подобные обычаи существовали у славян и в поздние времена. Например, в XI-XIII вв. ловкое и умелое воровство народом Древней Руси рассматривалось как дело доблести [12, с. 69]; а в конце XIX в. в российских селениях девушкам и парням прощалось «ритуальное воровство» —

ради получения средств для оплаты расходов на посылки [12, с. 69].

В реальной жизни, например, убийство (даже самоубийство) как умышленное лишение жизни человека человеком во все времена оценивалось и ныне оценивается по-разному, даже с позиции права: убийство матерью новорожденной дочери (но не сына, будущего воина) в слишком многочисленном семействе как жестокий варварский обычай славян и убийство матерью новорожденного ребенка как преступление у современных русских славян; самоубийство как ритуальный самурайский акт морального самоосуждения, как самопожертвование в форме добровольного сжигания жены с трупом мужа у древних славян и, наконец, как преступление (вид убийства), запрещенное только петровскими «Воинскими артикулами» (1715 г.) и караемое... смертной казнью, и др.

Известно же, что добро и зло легко поменять местами, и вовсе не манипулируя этим, а добросовестно усматривая в том и другом случае — подвига и преступления — долг и превосходное намерение (по Гегелю), например, намерение истребить дурное (зло). В этом случае субъект, совершающий убийство, находит в нем «удовлетворение чувства своей правоты, права вообще, и уверенность в дурных свойствах другого, его неправоты по отношению ко мне или к другим, по отношению к миру или народу вообще» [1, с. 188]. И в таком убийстве «исчезает» всякое различие между добром-подвигом и злом-преступлением.

Но такого не должно быть в условиях конкретной правовой реальности, в рамках действующего законодательства, «должные» нормы которого, говоря словами Еллинека, представляют собой «минимум моральности» [13, с. 79]. В связи с этим общественно опасное деяние, хотя и является основанием уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ), но, как отмечал П.А. Сорокин, не является преступным по своей природе [13, с. 61]. Преступление, по мнению ученого, не является определением теоретическим, поскольку оно изучается не с точки зрения сущего, а с учетом практической необходимости и потому преступление есть «опреде-

ление практическое, исходящее из принципа должностования и отвечающее на вопрос: что должно считаться преступлением, а не на вопрос: что есть преступление и чем оно вызвано» [13, с. 66]. Очевидно, что, главным образом, первый вопрос будет интересовать криминалиста, второй – криминолога.

В многообразии этических систем (субъективной, объективной, гражданской, военной, авторитарной, гуманистической и иной этики), субкультур, национальных культур, национальных правовых систем находит выражение сама общественная жизнь, полная противоречий, постоянно изменяющаяся во времени и пространстве. В этом процессе через сложное и опять-таки противоречивое мерило нравственно-правовой соразмерности (справедливости) тот или иной акт социального поведения может быть либо криминализован, либо декриминализован, а в определенных случаях игнорирован законодателем, правоприменителем или криминалистом.

Очевидно, что преступление как мера ценностного отношения к окружающему миру, прежде всего, признавалось или не признавалось (и ныне признается или не признается) таковым никак не по воле государственной, выраженной в норме уголовного закона, а под воздействием господствующего в правовой жизни обычая, этической нормы. И, таким образом, преступление общепринятым может быть только в том случае, когда оно одинаково, то есть всеми участниками общественных отношений воспринимается, во-первых, как общественно опасное, аморальное, а, во-вторых, уже как противоправное и уголовно-наказуемое деяние.

Нынешний повсеместный, в том числе и в юриспруденции, плюрализм мнений, в том числе и в отношении преступного, обращает внимание правоведа на необходимость формирования в себе упомянутого выше экспертного уровня правосознания, а еще лучше правовой культуры в целом. Это нужно для того, чтобы следовать курсом, позволяющим определять правильные ориентиры в криминологическом обосновании уголовного закона, его реализации, в

целом в государственно-правовой политике предупреждения преступлений как закономерных явлений в общественной жизни.

Закономерность преступлений очевидна, и это, в свою очередь, наводит на мысль, что преступления, в которых находит выражение преступность как объективное социальное явление, играют неоднозначную роль в общественной жизни, выполняют определенные функции. Очевидно, общим назначением преступности, или крайней формы выражения неправа, можно определить такое ее отношение к праву, которое имеет место в ряду отношений «сдержек и противовесов» (ослабления, уравнивания и т.п.) в социальной системе управления. Право и преступность (как неправо) – две стороны целого явления, согласно Гегелю, они как «отрицательное и положительное ... абсолютно соединены в субстанционной необходимости» [14].

Эта сущностная необходимость и проявляется в функциях преступности (преступлений). Например, профессор В.А. Бачинин, анализируя общую деструктивную направленность преступлений, указывает на их функциональное значение, которое они выполняют внутри цивилизованной системы. Ученый выделяет следующие социальные функции преступлений.

Во-первых, преступления позволяют определенным категориям людей (движимых потребностями самоутверждения, острых ощущений, избытком агрессивности и т.д.) реализовать их трансгрессивные наклонности.

Во-вторых, преступления испытывают на прочность нормативно-ценностные структуры социума, стимулируют в нем процессы укрепления и развития общественных институтов, в том числе – правоохранительной системы.

В-третьих, преступления маркируют недожелательные, девиантные линии общественного развития, обнаруживают нежелательные, но возможные трансформации, скрытые в обществе [15], иными словами, выполняют индикаторную, или симптоматическую, функцию.

На функциональность преступлений указывал еще Э. Дюркгейм, и сегодня ряд ученых находят в преступлениях определенное социаль-

ное назначение. В криминологической литературе можно встретить описание ряда социальных функций, которые реализуются через преступления.

Например, сущность *социально-деструктивной* (лат. destructio – разрушение, нарушение нормальной структуры) функции заключается в том, что преступность как социальный процесс, как противоправная общественно опасная деятельность выводит социальные системы управления из состояния устойчивости; *регенеративная* (лат. regeneration – восстановление, возрождение, возобновление, например, преступных групп, сообществ, их связей) функция, или функция *самодетерминации*, направлена на воспроизводство преступности преимущественно за счет рецидива и рекрутирования девиантов; о функции *противостояния и воспротивления государственно-правовому управлению* можно судить по современным актам проявления насильственной преступности, в особенности через преступления экстремистской направленности.

Исходя из определения А.И. Долговой *криминальной мимикрии* (англ. mimicry – подражательность), можно говорить об аналогичной функции преступлений, то есть способности создавать видимость, сходство с чем-либо правомерным. В качестве примера криминальной мимикрии А.И. Долгова приводит легализацию преступной деятельности.

Исходя из функций целей и задач криминологического изучения преступления, очевидно, что криминологию интересует не юридическая оценка, а сущность и содержание, внутренние и внешние взаимосвязи или закономерности тех актов поведения человека, которые несут в себе общественную опасность для личности, общества и государства, включая окружающую среду, а также «транснациональную» опасность – для мира и человечества.

Вопрос о наказании виновного в совершении преступления является криминологическим ровно настолько, насколько он позволяет извлечь из наказания максимум энергии превентивного воздействия – как на лицо, совершившее деяние, так и «для устрашения других», как определял Ч. Беккариа политическую цель на-

казания. При этом «устрашение» следует понимать не как угрозу, а как доходчивое предостережение. И эта доходчивость должна определяться не столько строгостью наказания (которую также нельзя недооценивать, как и переоценивать), сколько неотвратимостью ответственности за содеянное.

Но вопрос о причинах общественно опасного деяния является для криминолога вопросом номер один. За ним следует второй: как предупредить преступление? Ответ на этот вопрос мы находим, в частности, в уголовном праве, охранительная, регулятивная и воспитательная функции которого призваны обеспечивать защиту прав и свобод человека, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя российского государства от преступных посягательств, предупреждать такого рода посягательства (ч. 1 ст. 2 УК РФ).

Однако не следует переоценивать значение криминализации деяний. Меры уголовно-правового характера, наряду с другими мерами, направленными на предупреждение преступлений, предполагают обеспечивать те самые отношения «сдержек и противовесов» в системе социального управления, которые направлены на обеспечение защищенности личности, общества и государства от криминальных угроз. При этом главную роль в механизме предупредительного воздействия на преступность играют меры экономического, политического, социального, культурологического и иного характера.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права; пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов и Н.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990.
2. Поздняков Э.А. Философия преступления. – М.: Издательско-полиграфическое Предприятие «Интурреклама. Полиграф-Сервис», 2001. – С. 81.
3. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 3. – М., 1994. – С. 306.
4. Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. – М., 1986.
5. Гишинский Я.И. Криминология. Курс лекций. – СПб., 2002. – С. 30.
6. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М., 1993.
7. Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. – М.: Гардарики, 2002. – С. 37.

8. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях // Законность. – 1993. – № 2. – С. 33.

9. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях // Законность. – 1993. – № 3. – С. 30.

10. Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы; сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2004. – С. 120-125.

11. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 6-ти книгах. Кн. 1; вступ. ст. В.Г. Перельмутера / Т. 1-П. – М., 1993.

12. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): в 2 т. – 2-е изд., испр. – СПб., 2000.

13. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество; общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова; пер. с англ. – М., 1992.

14. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3-х т. Т. 2. – М., 1971. – С. 106.

15. Бачинин В.А. Философия преступления: классические парадигмы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2002. – № 4 (5). – С. 29.

В редакцию материал поступил 15.05.08.